

Сразу же после того, как он услышал молитву культиста, Дункан остановился и прервал отсечение проекции своей души.

Он посмотрел на культиста в маске, только что закончившего фанатично произносить свою молитву, на маленький обсидиановый кинжал, который он держал в руке, и на толпу культистов вокруг алтаря, которые в один голос скандировали имя своего «Господа», легендарного «Истинного Бога Солнца», павшего уже как много лет.

Они приносили своему «Господу» особое жертвоприношение — свежее сердце.

Теперь Дункан, наконец, понял, что произошло в той пещере, и в чем заключалось безумие этих культистов.

Затем он увидел, как культист в маске сделал шаг к нему, а с поверхности обсидианового кинжала, который он держал в руке, внезапно вырвался слой темно-черного пламени.

Это поразительное сверхъестественное явление мгновенно заинтриговало Дункана, и он стал размышлять, был ли кинжал также каким-то «аномальным» предметом, и был ли культист перед ним каким-то «особенным человеком», способным использовать необыкновенную силу. А существовали ли такие люди вообще? Если да, то ему было очень интересно, сколько таких людей есть в цивилизованном обществе этого мира, и какую роль они там играют.

В то же время он безучастно наблюдал, как пылающий черным кинжал с глухим звуком вонзился прямо ему в грудь, проткнув несколько слоев тряпок.

Пламя обжигало его тело изнутри, но наружу не выходило.

Позади него на тотеме, из пылающего шара раздалась внезапная, тревожная серия потрескивающих звуков, которые, казалось, сопровождались каким-то раздражающим, головокружительным шумом, и у Дункана возникло смутное ощущение, что из пылающего шара что-то распространяется. В следующую секунду он ощутил холодное «прикосновение». Трудно было описать эти ощущения не только потому, что его чувства в этом временно занятом теле притупились, но и потому, что это находилось за пределами всего, что он когда-либо чувствовал раньше. Он ясно знал только одно: в мире, где аномальные явления были реальностью, не оставалось никаких сомнений, что с обрядом жертвоприношения что-то пошло не так.

Изменение в «символическом солнце» на тотеме немедленно привлекло внимание ближайших культистов. Раздались подавленные восклицания, но через несколько секунд все стихло, и даже два человека в черных мантиях, державшие руки Дункана в смертельной хватке по обе стороны, словно потрясенные чем-то, в страхе ее разжали и опустили на колени перед тотемом. Культист с обсидиановым кинжалом застыл на месте, пристально смотря в лицо «жертвоприношения» перед собой, но сквозь дыру в его маске Дункан мог видеть глаза, в которых царило смятение.

Дункан напряг уголки своих губ и, наконец, выдавил из себя жуткую улыбку, медленно поднял правую руку и положил ее на обсидиановый кинжал культиста, в то время как нити изумрудного пламени, как вода, медленно начали обволакивать кинжал.

Почти мгновенно Дункан почувствовал от кинжала «обратную связь», но, как ни странно, она казалась слабой и пустой, словно кинжал был какой-то некачественной имитацией, и в его пустой оболочке осталось лишь небольшое количество «заимствованной» силы.

Но для него не имело значения, имитация этот кинжал или нет.

Он улыбнулся культисту в маске уголками губ и неторопливо сказал:

— Я должен сказать две вещи.

В следующее мгновение культист почувствовал, что его связь с обсидиановым кинжалом внезапно прервана какой-то внешней силой, как и его горячая вера в бога солнца, словно он натолкнулся на непреодолимый барьер.

— Во-первых, я человек широких взглядов, вот настолько широких.

Сказав это, Дункан сорвал ткань, и без того изорванную, а теперь еще и разрезанную ножом, и явил взору присутствующих огромную дыру, через которую культист в маске, проводивший обряд жертвоприношения, мог ясно видеть даже стену за спиной Дункана.

— Во-вторых, старайтесь не предлагать своему Господу просроченную пищу, — сказал Дункан и мягко оттолкнул руку культиста.

Каким-то образом, после того как он окутал обсидиановый кинжал своим изумрудным пламенем, культист перед ним, казалось, внезапно утратил бóльшую часть своей силы, причем настолько, что теперь Дункан мог легко его оттолкнуть.

Его мышцы дрожали, он поднял руку и указал на Дункана, как бы восстанавливая порядок на месте жертвоприношения:

— Воскрешенная мерзость! Воскресшая душа умершего! Ты осквернил этот священный обряд жертвоприношения! Какой дерзкий некромант стоит за тобой, мерзость? Неужели ты не боишься солнца?!

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — непринужденно сказал Дункан и бросил взгляд на обсидиановый кинжал, почувствовав в нем слабый отклик силы. Затем он взглянул на стоящего перед ним культиста в маске и прислушался к потрескивающему шуму, исходящему от тотема позади него, и внезапно ему в голову пришла смелая и причудливая идея. — Но мне вдруг захотелось удовлетворить свое любопытство.

С этими словами он внезапно взметнул обсидиановый кинжал вверх и на глазах у толпы культистов, все еще пребывающих в состоянии растерянного ужаса, указал на культиста в маске и громко произнес:

— О Всевышний и Святой Бог Солнца! Пожалуйста, прими жертвоприношение на этой высокой платформе! Я предлагаю тебе ее сердце, и да восстанешь ты из крови и огня!

В следующее мгновение он увидел, как обсидиановый кинжал взвился в воздух, а холодное прикосновение, испускаемое тотемом, собралось в одну точку и направилось к культисту в маске. Культист смотрел на тотем полными ужаса, широко раскрытыми глазами. Казалось, он хочет немедленно покинуть платформу, но кинжал оказался быстрее.

Кинжал вылетел из руки Дункана, притянутый какой-то невидимой силой, и, окутанный пылающим черным пламенем и слабым изумрудным, вонзился прямо в грудь культиста. Раздался ужасный крик, и грудь лидера культа оказалась проткнута, а его сердце в одно мгновение обратилось в пепел.

В следующее мгновение кинжал снова оказался в руке Дункана, и за несколько мгновений сила, заключенная в нем, полностью иссякла.

В области, где проводилось жертвоприношение, находились два человека, один с сердцем, другой без, и какой-то злой бог сегодня желает непременно отведать человеческое сердце. Возникает вопрос: кто же его потеряет?

Конечно, это будет тот, у кого оно есть.

Но даже с такой логикой все прошло более гладко, чем Дункан ожидал. Он не думал, что его «попытка» действительно сработает, пока не увидел, как культист в маске замертво падает на землю. Только тогда он повернул голову, посмотрел на успокоившийся тотем, и странным тоном пробормотал:

— Значит, любой может провести обряд, лишь бы слова были правильными?

Конечно, пылающий шар на тотеме не ответил на его вопрос, но культисты вокруг алтаря к этому времени отреагировали. Большинство из них впали в панику, но в дополнение к панике самые фанатичные культисты разразились гневом, которая превзошла даже тот страх, который они испытывали от тотема!

Несколько ближайших к алтарю культистов отреагировали первыми, и, выкрикивая имя Бога Солнца, бросились к Дункану. За ними последовали и остальные культисты. Некоторые даже достали из-под своих мантий короткие мечи и кинжалы.

Дункан уже собирался крикнуть: «Я принесу сердца всех людей в жертву на алтарь Богу

Солнца», чтобы испытать аппетит этого странного злого бога, но передумал, увидев, что некоторые из культистов вынули из-под своих мантий револьверы. А ещё учитывая время, необходимое для того, чтобы обряд возымел действие, он просто показал культистам средний палец и начал отсечение проекции своей души.

Пусть сумасшедшие продолжают свое безумие, а он собирался вернуться на «Затерянный Дом».

Тем временем на палубе «Затерянного Дома», бороздящего бескрайние морские просторы раздались ритмичные шаги.

Элис, кукла в великолепном готическом платье, вышла из своей каюты и направилась к каюте капитана.

На этот раз богато украшенный деревянный гроб не последовал за ней, а остался в ее комнате.

Капитан говорил, что она может передвигаться сколько угодно по каютам на этом уровне, а также гулять по палубе, и что если она чего—то не понимает, то в любой момент может обратиться к нему за помощью.

Элис хорошо это помнила.

<http://tl.rulate.ru/book/76198/2654231>